

Когда Тан Цзинси пришел в себя, единственное, что он чувствовал — это невыносимая тяжесть в голове. Лишь спустя долгое время потолок и потолочные светильники в его поле зрения обрели четкость. Шторы были распахнуты настежь, и яркий дневной свет заставил его недовольно зажмуриться.

В нос ударил специфический больничный запах. Не сказать, что приятный, но достаточно резкий, чтобы прояснить сознание. Он невольно вдохнул поглубже. Пальцы под тонким одеялом медленно зашевелились, сжимаясь и разжимаясь, пока резкая боль в тыльной стороне ладони, где стоял катетер, не заставила его окончательно успокоиться.

Он жив.

В этот момент из-за края кровати показалась чья-то голова. У Юй Лэ были всклокоченные волосы, под глазами залегли темные круги, а веки покраснели — похоже, он только что плакал.

— Старший брат! — с воплем он бросился вперед, обхватив Тан Цзинси вместе с одеялом. — Ты наконец-то очнулся! Что вообще произошло? Как можно было умудриться во время отпуска свалиться в резервуар с водой?

Тан Цзинси все еще пребывал в заторможенном состоянии после обморока, мысли ворочались с трудом. Лишь спустя время он сопоставил лицо с образом Юй Лэ и первым делом спросил:

— Ты что, поправился?

Юй Лэ: «...»

Юй Сяолэ тут же надулся, как рыба-фугу, и обиженно пробормотал:

— Еще бы не опухнуть, когда всю ночь не спишь и реवेशь! — после чего он принялся тереть свое отекавшее лицо.

Тан Цзинси не сдержал улыбки. Окинув взглядом палату, он спросил:

— Где я?

— В госпитале базы, — ответил Юй Лэ. — Тебя привезли позавчера утром. Внешних повреждений нет, только сильное истощение. — Он жалобно шмыгнул носом. — Неужели работа за последние два года так вымотала? Раньше я и не слышал, чтобы у тебя были такие проблемы со здоровьем.

Тан Цзинси, не теряя улыбки, небрежно ответил:

— Наверное, так и есть.

На самом деле, еще придя в себя, он почувствовал неладное. Он отчетливо помнил каждую деталь в Тайной комнате: пулевое ранение в левое плечо, удар ножом в живот от Исариэля. Даже если ему невероятно повезло и внутренние органы не были задеты, два сквозных ранения — это не шутки. Как он мог не чувствовать никакой боли?

Но Юй Лэ упомянул истощение. Тан Цзинси знал состояние своего организма, и раньше подобных проблем не возникало. Значит, это могло быть следствием потери крови.

Странно... куда же делись раны?

Подумав об этом, он согнул локти, собираясь сесть. Юй Лэ поспешил помочь ему, подложив за спину две пуховые подушки.

— Как ты себя чувствуешь? — Юй Лэ смотрел на него с беспокойством, словно ребенок, не знающий, как справиться с бедой. — Может, позвать врача?

— Пока не нужно, — сказал Тан Цзинси. — Ты сказал, что я был в резервуаре?

Юй Лэ торопливо закивал, его лицо выражало полное недоумение:

— Мы обнаружили тебя во время утреннего обхода. Ты был без сознания, лежал на краю резервуара. Чжуцюзэ был рядом, неясно, спас ли он тебя, но дежурный исследователь чуть не поседел от страха!

Тан Цзинси спросил:

— Кто был дежурным?

Юй Лэ тут же прослезился и пробормотал:

— Я и Ноно.

Тан Цзинси: «...»

Он невольно усмехнулся, а спустя мгновение не удержался от подколки:

— Вы что, оба уснули, поэтому нашли меня только утром?

— Как такое возможно! — возмущенно возразил Юй Лэ. — Мы поспали всего чуть-чуть...

— То самое «чуть-чуть», которое длится до рассвета?

— Прости... В тот день не знаю, что нашло, такая дикая сонливость. После двух часов ночи Ноно совсем выбилась из сил, я сказал ей поспать, думал, Чжуцюэ ночью почти не двигается, я справлюсь сам. А потом... не помню, как отключился.

С каждым словом его голос становился все тише, в конце он даже не смел смотреть Тан Цзинси в глаза:

— Старший брат, я такой никчемный? Я два дня сидел у твоей кровати и корил себя. Страшно подумать: если бы из-за того, что я задремал, с тобой что-то случилось... например, если бы Чжуцюэ тебя съел...

Тан Цзинси: «...»

— Не говори ерунды! — отрезал Тан Цзинси, перехватывая инициативу. — Записи с камер смотрели? Как я оказался у резервуара?

Юй Лэ кивнул, но выражение его лица оставалось напряженным:

— Смотрели. Но странно то, что ни одна камера не зафиксировала, как тыходишь в резервуар. Есть только запись того, как Чжуцюэ выносит тебя из воды.

— А что Чжуцюэ делал всю ночь? — Тан Цзинси помолчал, а затем уточнил: — Он покидал резервуар?

— Нет, — ответил Юй Лэ. — Я просмотрел все записи за ночь со всех тридцати шести камер. Чжуцюэ все время отдыхал в рифах на дне, он даже не выплывал.

Тан Цзинси промолчал, опустив ресницы, словно погрузившись в глубокие раздумья.

Юй Лэ, не понимая, что происходит, но не желая беспокоить старшего, подождал некоторое время. Увидев, что тот по-прежнему неподвижен, он спросил:

— Неужели... старший брат, ты и сам не знаешь, как оказался у резервуара?

Тан Цзинси поднял глаза, и их взгляды встретились. Юй Лэ был человеком простым, не умеющим скрывать эмоции. Тан Цзинси сразу понял, что что-то не так, и прямо спросил:

— Что случилось?

Юй Лэ нахмурился, явно не зная, как начать.

Тан Цзинси смутно догадывался, что здесь кроется какая-то тайна, и спросил:

— Полковник приходил? Тот, у которого фамилия звучит так же, как у тебя, но пишется иначе?

— Приходил, — Юй Лэ снова стал выглядеть обиженным. — Он был в ярости, отчитал нас с Ноно, хотел даже дисциплинарное взыскание наложить.

— Ничего, я позвоню ему позже, взыскания не будет, — успокоил его Тан Цзинси и добавил: — Полковник что-то расследовал?

Юй Лэ кивнул, и Тан Цзинси сразу все понял. Как и ожидалось, Юй Лэ сказал:

— Он затребовал записи со всего шестого этажа базы.

Тан Цзинси это ничуть не удивило. Юй Шилинь был человеком дотошным, к тому же военным — чего он только не видел. Даже если бы они были в близких отношениях, пока никто не погиб, Юй Шилинь не стал бы паниковать так, как этот растяпа Юй Лэ.

— Что он обнаружил? — спросил Тан Цзинси.

— Ноно тогда уже ушла, а так как я был последним, кто с тобой контактировал, полковник Юй потребовал, чтобы я смотрел записи вместе с ним, — сказал Юй Лэ. — После того как мы расстались, ты поднялся на лифте на шестой этаж и вернулся в комнату. Камеры в лифте и коридоре четко зафиксировали твое лицо.

— Потом ты открыл дверь и вошел. Камера в коридоре показала, что ты сначала присел поиграть с собакой, а потом Банни как будто что-то увидела, и ты тоже что-то заметил. Я видел, как ты вышел с пистолетом, огляделся, ничего не нашел, а потом...

На этом месте Юй Лэ запнулся, в его глазах читалось недоумение и легкий испуг.

— Потом... ты наклонился, словно что-то поднял, несколько минут смотрел на это, не решаясь, а затем вошел в комнату и закрыл дверь. Больше ты не выходил.

Юй Лэ посмотрел на Тан Цзинси:

— Но мы с полковником отчетливо видели: на полу ничего не было, и в руках у тебя тоже

ничего не было. На что ты смотрел?

Тан Цзинси замер. Его мозг все еще работал медленно, но он понимал, что это описание критически важно. Прямое сравнение записей с личным опытом — все несоответствия станут ключом к разгадке!

Он все не мог понять, что послужило триггером для входа в Тайную комнату. Возможно, та самая коровья кость, которую видел он, но не фиксировали камеры, и была ключом к другому миру.

— Это была коровья кость, чтобы Банни точила зубы...

Юй Лэ, услышав, что это обычная вещь, еще больше удивился:

— Почему же камеры ее не засняли? Я уж подумал, что ты с ума сошел и среди бела дня лунатизмом занялся.

Тан Цзинси проигнорировал подколку младшего брата и спросил:

— Сколько дней прошло с начала моего отпуска?

— Четыре дня, — ответил Юй Лэ.

Тан Цзинси выстроил логическую цепочку и попросил Юй Лэ подать бумагу и ручку из тумбочки. Пиша, он рассуждал вслух:

— Значит, четыре дня назад я вернулся в общежитие, и после этого нет ни одной записи, как я выхожу. Позавчера утром меня нашли у резервуара без сознания. Чжуцюэ — единственный свидетель, и он оставил пометку: дежурный исследователь уснул по неизвестной причине.

— И наконец, сегодня, спустя двое суток комы, я очнулся.

Закончив, Тан Цзинси посмотрел на Юй Лэ. Тот понимающе кивнул.

— Но... что это доказывает? — Юй Лэ был посторонним, он не знал о переживаниях Тан Цзинси и людях, которых тот встретил. Он думал, что старший просто систематизирует хронологию событий.

Тан Цзинси не был уверен, стоит ли кому-то рассказывать. Он сам понимал лишь малую часть, остальное было догадками. К тому же все это звучало слишком мистически. Все вокруг были учеными, база была оплотом материализма, никто бы ему не поверил.

— Ничего особенного, просто голова после пробуждения плохо соображает, записал, чтобы не забыть, — соврал он.

Юй Лэ, который безоговорочно доверял старшему, тут же успокоился:

— Раз ты очнулся, я спокоен! Нужно сообщить полковнику? Он эти два дня места себе не находил, каждый раз, когда приходил, смотрел на меня волком. Ты же знаешь, я не умею общаться с людьми, особенно с начальством, которое уже успел разозлить.

Сказав это, Юй Лэ потянул Тан Цзинси за рукав больничной пижамы и добавил шепотом:

— Это правда ужасно...

— Позже я сам с ним свяжусь, — ответил Тан Цзинси, глядя на лицо младшего брата. — Ты в последнее время совсем не отдыхал?

Юй Лэ просто ответил:

— Я чувствовал, что ты попал в беду из-за моей невнимательности, поэтому хотел быть рядом, чтобы, когда очнешься, лично извиниться.

— Старший брат... — слабо проговорил Юй Лэ. — Еще в университете ты брал меня в проекты, в лабораторию, помогал писать программы. Ты лучше всех знаешь, какой я. Я не могу руководить командой, я могу только следовать за кем-то. Ты говоришь, что делать — я делаю. Работать могу, но брать на себя ответственность... я не справляюсь.

— Когда я увидел, как ты лежишь без сознания у резервуара, у меня душа в пятки ушла. Я забыл, как делать искусственное дыхание, боялся даже прикоснуться к тебе. Ноно — девушка, она еще трусливее меня, мы оба чуть не разрыдались.

Тан Цзинси понимал ситуацию и знал, что вины Юй Лэ здесь нет, но видеть, как этот глупыш кается, было забавно.

Юй Лэ выглядел таким несчастным, что, казалось, вот-вот заплачет:

— Мои родители внезапно ушли, погибли в автокатастрофе. Я тогда был в полном отчаянии, именно ты помог мне купить билет и вернулся со мной на родину, чтобы помочь с похоронами.

— Старший брат! — Юй Лэ не выдержал и, всхлипывая, бросился к нему. — Для меня ты как отец! У-у-у, хорошо, что ты в порядке, а то что бы я делал!

Тан Цзинси: «...»

Только что он был тронут, но последняя фраза все испортила.

— Кто тебе как отец? — Тан Цзинси отстранил от себя Юй Лэ, превратившегося в плаксу, но было поздно — сопли и слезы уже остались на его одежде. — Если хочешь называть меня отцом, то я не хочу такого дешевого сына.

Юй Лэ шмыгнул носом, излучая ауру «слабого, несчастного, но прожорливого», и сказал:

— Оу.

— А Банни? — спросил Тан Цзинси.

— Сначала она была в твоём общежитии, — ответил Юй Лэ. — А потом, когда ты попал в больницу, полковник забрал её к себе.

— Хорошо, — Тан Цзинси выдохнул. Тогда Банни не смогла прыгнуть вместе с ним из Тайной комнаты. Теперь понятно: настройки той комнаты касались только участников игры, животные в расчёт не брались.

— Дай мне телефон, — приказал он.

Юй Лэ открыл ящик тумбочки и протянул ему смартфон:

— Он упал в резервуар вместе с тобой. Хорошо, что водонепроницаемый. Я видел уведомления, почему ты до сих пор сидишь в даркнете? Хочешь что-то купить? У меня есть немного биткоинов, могу купить и подарить тебе.

Тан Цзинси был удивлён: он не ожидал, что после окончания игры группа в даркнете не исчезнет.

Сеть и сигнал восстановились, название точки доступа сменилось на базу. Он снова открыл браузер и заметил, что оба ID — ENICA и Isariel — не в сети. Название группы изменилось на «Тайная комната (пройдено)», а последнее сообщение пришло сорок восемь часов назад.

ENICA: [Поздравляем игрока Jesse с прохождением низкоуровневой одиночной Тайной комнаты «Зеркальная комната» и получением квалификации для повышения уровня. Дорогой, увидимся в следующий раз!]

— Продолжение следует —

<http://bllate.org/book/20346/2033318>